Единство практики или судейское усмотрение: проблемы обеспечения предсказуемости в арбитражном судопроизводстве

Ахматов Шейх-Мансур Шейх-Магомедович
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы, m.akhmatov1@gmail.com

В статье исследуется фундаментальная дихотомия современного арбитражного процесса: конфликт между требованием правовой определенности (res judicata), обеспечиваемой единством судебной практики, и необходимостью судейского усмотрения для достижения материальной справедливости в конкретном деле. Анализируется трансформация подходов к прецедентному праву в российской правовой системе после упразднения ВАС РФ. Автор критически оценивает существующие процессуальные механизмы обеспечения единообразия (кассационные фильтры, обзоры практики) и выявляет проблему «скрытого усмотрения» на этапе отбора жалоб для передачи в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ.
В работе обосновывается тезис о том, что чрезмерно широкое понимание судейского усмотрения в вопросах толкования норм права при отсутствии формализованного доктриной stare decisis механизма девальвирует экономическую ценность права. Предлагается концепция «аргументированного отклонения», налагающая на суд повышенный стандарт мотивировки при отступлении от сложившихся правовых позиций высших инстанций.
Ключевые слова Арбитражный процесс, правовая определенность, судейское усмотрение, единство судебной практики, Верховный Суд РФ, прецедент, экономическое правосудие, мотивировочная часть решения, принцип равенства.

Фундаментальная антиномия правосудия в сфере экономической деятельности кроется в неизбывном напряжении между двумя ценностями: стабильностью гражданского оборота, требующей предсказуемости судебных решений, и необходимостью индивидуализации правоприменения, реализуемой через институт судейского усмотрения. В условиях российской правовой действительности, характеризующейся позитивистской традицией и отсутствием официально признанного прецедента как источника права, проблема обеспечения единства практики приобретает особую остроту. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что непредсказуемость арбитражного судопроизводства перестала быть сугубо доктринальной проблемой и трансформировалась в значимый экономический риск, повышающий транзакционные издержки субъектов предпринимательской деятельности.

Центральным вопросом настоящей работы является определение пределов судейского усмотрения в контексте императива единства судебной практики, а также поиск процессуальных инструментов, способных минимизировать волатильность правоприменения без ущерба для независимости суда.

Постановка проблемы требует обращения к конституционно-правовым основам. Принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) в процессуальном смысле интерпретируется Конституционным Судом РФ как гарантия того, что при сходных фактических обстоятельствах суды будут применять нормы права единообразно. Однако реализация этого принципа наталкивается на законодательно закрепленную свободу судейского усмотрения (дискреции). Под судейским усмотрением в данном контексте следует понимать не произвол, а предоставленное законом полномочие суда выбрать одно из нескольких легитимных правовых решений, исходя из целей законодательного регулирования и обстоятельств дела. Проблема, однако, заключается в том, что в арбитражном процессе грань между законной дискрецией (например, при снижении неустойки по ст. 333 ГК РФ или оценке добросовестности поведения) и произвольным толкованием императивных норм становится все более размытой. После реформы 2014 года и передачи полномочий Высшего Арбитражного Суда (ВАС РФ) Верховному Суду (ВС РФ) изменилась сама парадигма формирования единообразия. Если ВАС РФ проводил политику жесткой унификации через Постановления Президиума, которые де-факто имели силу прецедента, то текущая модель характеризуется фрагментарностью. Правовые позиции формируются Экономической коллегией ВС РФ (СКЭС) в рамках конкретных определений, статус которых законодательно не определен как обязательный, но которые де-факто воспринимаются нижестоящими судами как ориентир[1].

Этот дуализм порождает ключевую проблему исследования: отсутствие нормативного механизма, обязывающего суд следовать правовой позиции, выработанной в аналогичном деле, при сохранении формальной возможности принять иное решение, ссылаясь на «внутреннее убеждение» (ст. 71 АПК РФ). Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) не содержит прямого запрета на

вынесение решения, противоречащего практике СКЭС, если это решение не нарушает прямой текст закона. Это создает ситуацию «правовой лотереи», где исход спора зависит не от объективного содержания нормы, а от того, какой состав суда рассматривает дело и какой подход к толкованию он исповедует в данный момент[2].

Анализ ст. 308.8 АПК РФ показывает, что основанием для отмены судебных актов в кассационном порядке в СКЭС является «существенное нарушение норм материального и (или) процессуального права, которые повлияли на исход дела». Однако категория «существенного нарушения» является оценочной. В практике возникает парадокс: игнорирование нижестоящим судом правовой позиции ВС РФ может быть расценено как существенное нарушение (нарушение единства), а может быть проигнорировано, если судья ВС РФ при рассмотрении кассационной жалобы решит не передавать ее на рассмотрение Коллегии (ст. 291.6 АПК РФ).

Статистика «отказных» определений свидетельствует о том, что механизм «второй кассации» работает в режиме жесткого фильтра, критерии которого непрозрачны. Это зона абсолютно неконтролируемого судейского усмотрения на уровне высшей инстанции, что само по себе является фактором дестабилизации. Участники оборота не могут прогнозировать, будет ли исправлена ошибка, состоящая в отступлении от практики, или же такое отступление будет легитимировано молчаливым согласием судьи ВС РФ.

Европейский суд по правам человека и Конституционный Суд РФ неоднократно указывали, что правовая определенность предполагает уважение к принципу *res judicata*, но также и стабильность толкования норм. В то же время, право не может быть статичным. Судебная практика должна развиваться, реагируя на изменения экономических реалий. Проблема возникает тогда, когда изменение практики происходит ретроспективно и хаотично. Ярким примером служит институт субординации требований аффилированных кредиторов при банкротстве, который развивался исключительно через судебную практику («Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», 2020 г.).

До принятия данного Обзора суды обладали широчайшей дискрецией в квалификации займов участников как корпоративных вкладов или гражданско-правовых обязательств. Внедрение жестких презумпций через судебную практику фактически создало новые нормы права. Новизна проблемы здесь заключается в темпоральном действии таких позиций. Согласно правовой позиции КС РФ, поворот судебной практики в сторону ухудшения положения лица не должен иметь обратной силы. Однако в арбитражном процессе новые толкования ВС РФ зачастую применяются к правоотношениям, возникшим задолго до формирования позиции, что подрывает доверие к праву. Суды, применяя «новое знание» к старым фактам, формально действуют в рамках закона (ведь текст закона не изменился), но фактически нарушают принцип предсказуемости[3].

Следующий пласт проблемы лежит в плоскости мотивировки судебных актов. Согласно ч. 4 ст. 170 АПК РФ, в мотивировочной части решения должны быть указаны фактические и иные обстоятельства дела, установленные арбитражным судом, доказательства, на которых основаны выводы суда, и доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства. При этом обязанность суда мотивировать отказ от применения правовой позиции высшего суда, на которую ссылается сторона спора, прямо в АПК не закреплена.

Это пробел, который необходимо восполнить. На практике суды часто ограничиваются формулировкой «ссылки заявителя на судебную практику отклоняются, так как она принята по делам с иными фактическими обстоятельствами», без детального анализа этих отличий. Такой подход превращает единство практики в фикцию. Если суд имеет возможность уйти от прецедента, просто сославшись на «иные обстоятельства» без глубокого обоснования существенности этих различий, то предсказуемость становится недостижимой. Это явление можно квалифицировать как «процессуальный эскапизм» — уклонение суда от сложной аналитической работы по соотнесению абстрактной правовой позиции с конкретной фабулой дела.

Важно отметить, что попытка решить проблему путем полной формализации и превращения судебной практики в источник права (по образцу стран общего права) в России вряд ли будет успешной без изменения конституционных основ. Российская система тяготеет к романо-германской семье, где судья — «уста закона», а не его творец. Однако современная экономика требует гибридных подходов[6].

Решение видится не в слепом копировании доктрины *stare decisis*, а в внедрении концепции *jurisprudence constante* (устойчивой судебной практики) как нормативно защищаемого блага. Это означает, что единичное решение СКЭС не должно автоматически становиться законом, но серия согласованных решений или Пленум/Обзор должны создавать презумпцию правильности толкования. Для преодоления этой презумпции нижестоящий суд должен не просто использовать усмотрение, а выполнить повышенный стандарт доказывания необходимости иного толкования в данном конкретном случае (например, для защиты слабой стороны или пресечения злоупотребления правом, которое не охватывается стандартной практикой).

Разрешение выявленной проблематики требует внесения точечных изменений в АПК РФ и регламентацию работы судов. Во-первых, необходимо законодательно закрепить в ст. 170 АПК РФ обязанность суда приводить мотивы, по которым он не применяет правовые позиции ВС РФ, приведенные участниками спора в обоснование своих требований. Игнорирование релевантной практики высшего суда должно безусловно квалифицироваться как нарушение требований к мотивированности судебного акта и влечь его отмену. Во-вторых, следует пересмотреть подход к институту передачи кассационных жалоб на рассмотрение СКЭС.

Текущая процедура «единоличного фильтра» (судьи ВС РФ) должна быть дополнена механизмом «диссента» (особого мнения) или коллегиального рассмотрения вопроса о передаче жалобы в случае, если заявитель демонстрирует наличие противоречивой практики окружных судов. Это позволит выявлять системные ошибки на ранней стадии и обеспечивать единство не только «сверху вниз», но и через гармонизацию горизонтальной практики.

Кроме того, следует теоретически и практически разграничить два вида судейского усмотрения: усмотрение в установлении фактов и усмотрение в толковании права. Если первое должно оставаться прерогативой судов первой и апелляционной инстанций и быть максимально широким (в рамках стандартов доказывания), то второе — усмотрение в толковании права — должно быть жестко ограничено рамками, задаваемыми Верховным Судом.

Ситуация, когда суды разных округов по-разному толкуют одну и ту же норму ГК РФ (например, о начале течения исковой давности или природе опционных соглашений), недопустима в едином экономическом пространстве. В данном аспекте дискреция судьи должна быть све-

дена к минимуму. Научная новизна предлагаемого подхода заключается в отказе от бинарного восприятия проблемы («либо прецедент, либо закон») и переходе к модели «процессуальной ответственности за дискрецию». Судья свободен в своем решении, но «стоимость» (в виде интеллектуальных и процессуальных усилий) отклонения от единства практики должна быть высока[6].

Отдельного внимания заслуживает проблема «новых обстоятельств» (п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ), позволяющая пересматривать вступившие в силу акты при изменении практики ВС РФ. КС РФ в Постановлении № 34-П указал, что такой пересмотр возможен только если в самом акте ВС РФ есть указание на обратную силу. Однако на практике суды часто сталкиваются с дилеммой: применять ли новую позицию к длящимся правоотношениям (например, аренде), возникшим до изменения практики? Ответ должен лежать в плоскости защиты легитимных ожиданий.

Принцип правовой определенности требует, чтобы добросовестные участники оборота, полагавшиеся на устоявшуюся практику, не несли негативных последствий ее изменения. Судейское усмотрение здесь должно быть направлено не на механическое применение новой позиции, а на адаптацию ее к конкретной ситуации с целью недопущения дисбаланса интересов. Это требует от судьи высочайшей квалификации и, по сути, функции «социального инженера», что редко встречается в текущих реалиях перегруженности судебной системы.

В заключение необходимо констатировать, что достижение абсолютной предсказуемости в арбитражном процессе — утопия, однако минимизация необоснованной волатильности судебных актов является достижимой целью.

Проблема кроется не в наличии судейского усмотрения как такового, а в отсутствии четких процедурных стандартов его реализации при конфликте с устоявшейся судебной практикой. Обеспечение единства практики не должно превращаться в «окаменение» права, блокирующее его развитие. Баланс может быть найден через процессуальное закрепление особого статуса правовых позиций ВС РФ и введение обязанности судов давать развернутую аргументацию при любом отступлении от них. Только так можно трансформировать судейское усмотрение из инструмента потенциального произвола в инструмент тонкой настройки правосудия, сохраняя при этом фундамент правовой определенности, необходимый для стабильного экономического развития. В противном случае арбитражная система рискует остаться генератором случайных результатов, что несовместимо с задачами построения развитого правопорядка.

Литература

1. Гук, П. А. Принцип единства судебной практики в российском судопроизвод-стве / П. А. Гук, Е. П. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 83–
2. Князькин, С. И. Единство судебной практики и средства его обеспечения / С. И. Князькин // Журнал российского права. – 2015. – № 11 (227). – С. 160
3. Пресняков М. В. Правовая определённость: формальный и материальный аспекты // Известия Сара-
4. товского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, вып. 4. –
5. С. 669–
6. Иванов Л. Д. Проблемы реализации принципов гражданского процессуального права в апелляционной инстанции // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 41. С. 394

Unity of Case Law or Judicial Discretion: Problems of Ensuring Predictability in Arbitrazh Proceedings

Akhmatov Sheikh-Mansur Sheikh-Magomedovich

Patrice Lumumba Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the fundamental dichotomy of modern arbitrazh procedure: the conflict between the requirement of legal certainty (res judicata), ensured by the unity of case law, and the necessity of judicial discretion to achieve substantive justice in a specific case. The author analyzes the transformation of approaches to judicial precedent in the Russian legal system following the abolition of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. The paper critically evaluates existing procedural mechanisms for ensuring uniformity (cassation filters, case law reviews) and identifies the problem of "hidden discretion" at the stage of selecting appeals for referral to the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation. The study substantiates the thesis that an excessively broad understanding of judicial discretion regarding the interpretation of legal norms, in the absence of a mechanism formalized by the *stare decisis* doctrine, devalues the economic significance of the law. A concept of "reasoned departure" is proposed, imposing a higher standard of reasoning on the court when deviating from the established legal positions of higher courts.

Keywords: Arbitrazh process, legal certainty, judicial discretion, unity of case law, Supreme Court of the Russian Federation, precedent, economic justice, reasoning of the judgment, principle of equality.

References

1. Guk, P. A. The Principle of Unity of Judicial Practice in Russian Legal Proceedings / P. A. Guk, E. P. Guk // Bulletin of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. - 2016. - No. 3 (39). - P. 83-
2. Knyazkin, S. I. Unity of Judicial Practice and Means of Ensuring It / S. I. Knyazkin // Journal of Russian Law. - 2015. - No. 11 (227). - P. 160
3. Presnyakov, M. V. Legal Certainty: Formal and Substantive Aspects // Bulletin of Saratov University. 4. New Series. Series: Economics. Management. Law. - 2014. - Vol. 14, issue. 4. – 5. P. 669–
6. Ivanov, L. D., "Problems of Implementing the Principles of Civil Procedural Law in the Appellate Court" // Innovations. Science. Education. 2021. No. 41. P. 394